

В сумерках тень Лан Цзюнься образовала длинную линию, и то небольшое, что осталось от солнечного света, проникало из-за стен, подобно огню маяка косо окрашивая черные кирпичи.

— Лан Цзюнься! Лан Цзюнься! — Дуань Лин мчался по коридору ему навстречу с криком. — Мой отец вернулся!

Лан Цзюнься слабо улыбнулся и повернулся нему лицом. Он кивнул.

— Он...

Дуань Лин бежал так быстро, что у него перехватило дыхание, и он стоял, задыхаясь.

— Я знаю.

— Но он говорит, что его фамилия Ли, как и моя. Его зовут не Дуань Шэн, — нахмурился Дуань Лин.

— Ты вырос, Дуань Лин.

Дуань Лин озадаченно посмотрел на Лан Цзюнься.

— Мне нужно уйти сегодня вечером, чтобы сделать кое-какую работу, — сказал Лан Цзюнься.

— Разве ты только что не вернулся? Тебе снова нужно куда-то идти?

Лан Цзюнься ничего не объяснил, а просто протянул руку в сторону Дуань Лина. Тот с озадаченным видом подошел к нему, и Лан Цзюнься заключил его в свои объятия.

— Это замечательно, — сказал Лан Цзюнься.

После того как он обнял Дуань Лина, он отошел от него и заставил его встать прямо. После этого он распустил края своего халата и опустился перед ним на оба колена.

— Эй! — Дуань Лин хотел помочь ему подняться, но Лан Цзюнься жестом приказал ему оставаться на месте. Согнувшись в талии, он поклонился.

— Прощай, — сказал Лан Цзюнься.

— Подожди секунду! — до Дуань Лина дошло, что происходит что-то неладное.

— Тебе нужно идти? Куда это ты собрался? Папа! Папа!

— Да.

Лан Цзюнься все еще стоял на коленях на земле. Он поднял голову и не отпускал руку Дуань Лина, глядя на него.

— Я отправился в Жунань, чтобы найти тебя. К счастью, я не ошибся в своем решении. Теперь, когда ты и твой отец воссоединились, моя миссия тоже завершена, и моя работа в Шанцзине может подойти к концу.

— Не надо... не уходи! Ты ведь обещал остаться со мной?

— Возможно, через год или через несколько месяцев мы встретимся снова. Но у тебя есть Его Вы— отец, который позаботится о тебе, и даже если тебе нужна вся территория центральной равнины, он может подарить тебе ее. Для тебя я уже... У меня есть более важные дела.

— Не уходи, Лан Цзюнься!

Глаза Дуань Лина сразу покраснели, но Лан Цзюнься уже поднялся с улыбкой.

— Дуань Лин, — произнес Лан Цзюнься, — в твоей жизни я не более чем проезжий путник. С этого момента ты должен делать то, что говорит тебе отец. Если кто-то может искренне заботиться о тебе, никогда не лгать и ничего не скрывать от тебя, спасти тебя, когда ты в опасности, независимо от того, стоит ли это ему жизни, думать о том, что для тебя лучше в любой ситуации, — если такой человек в мире существует, то это только он.

Дуань Лин крепко сжал руку Лан Цзюнься, не желая отпускать, и потянул его к дому.

— Нет! Ни за что! Сначала объясни мне, куда ты идешь и сколько дней пройдет, прежде чем ты вернешься!

Лан Цзюнься стоял как вкопанный, не сдвинувшись ни на цунь, а сзади раздался голос Ли Цзяньхуна.

— Я отправляю его проверить кое-что для меня. Твой отец ни дня не сможет жить спокойно, пока это не будет тщательно расследовано.

Лан Цзюнься попытался снова встать на одно колено, но Ли Цзяньхун протянул руку, давая понять, что он может обойтись без формальностей.

Дуань Лин чувствовал себя ужасно, а Лан Цзюнься снова серьезно сказал:

— Дуань Лин, веди себя хорошо. Я вернусь.

Тому ничего не оставалось, кроме как медленно отпустить его руку.

— Когда вернешься на юг, можешь больше не упоминать обо мне, — сказал Ли Цзяньхун.

— Да, — ответил Лан Цзюнься.

Дуань Лин все еще хотел что-то сказать, но не знал, как. Ли Цзяньхун уже произнес:

— Ну что ж, уходи, пока городские ворота еще открыты.

Лан Цзюнься поклонился.

— Прошу меня извинить.

— Разве он не может уехать завтра? — угрюмо спросил Дуань Лин.

Но Лан Цзюнься уже повернулся и исчез в конце коридора, подняв за собой порыв ветра.

— Подожди! — сказал Дуань Лин. — Давай я помогу тебе собрать вещи...

Он направился внутрь, желая собрать что-нибудь для Лан Цзюнься, но тут раздался стук подков по земле — Лан Цзюнься не стал задерживаться, как только решил уйти. Дуань Лин выбежал из комнаты с наполовину собранным свертком, и шлейф его одежды развеялся на весеннем вечернем ветру.

До Дуань Лина еще не дошло, как Лан Цзюнься может вот так просто исчезнуть. Все, что произошло сегодня, случилось слишком быстро, и стремительнее всего, что он пережил за последние пять лет, вместе взятые. Он бежал за ним, в смятении крича:

— Лан Цзюнься! Лан Цзюнься!

Его уже не было видно, но Дуань Лин все равно стоял и смотрел ему вслед. Ли Цзяньхун был здесь, а Лан Цзюнься нет, подобно тому, как солнце движется по небу, как растет и убывает луна, как приходит прилив и уходит отлив — все произошло так внезапно.

Ли Цзяньхун смотрел на Дуань Лина с глубокой морщиной между бровей; он хотел обнять его,

но тот был безутешен, он делал глубокие вдохи, изо всех сил пытаясь сдержать слезы, и его лицо стало ярко-красным на грани плача. Ли Цзяньхун мог справиться с чем угодно — единственное, что он не мог сделать, это унять слезы собственного сына. Он сразу же впал в замешательство, не зная, что делать.

— У твоего отца действительно есть работа, которую он должен сделать... — говорил Ли Цзяньхун, весь погруженный в свои мысли. — Может, отложить ее на несколько дней? Неважно, неважно...

— Ты не должен этого делать, — Дуань Лин вытер слезы, а рыдания застряли в горле. — Я понимаю.

— Не плачь, — сказал Ли Цзяньхун. — От твоих слез у отца голова раскалывается.

Дуань Лин не знал, смеяться ему или плакать, и Ли Цзяньхун подхватил его на руки и унес обратно домой.

В конце концов печаль Дуань Лина накопилась в его сердце, превращаясь в стойкую меланхолию, и Ли Цзяньхуну оставалось только придумывать новые способы заставить его улыбнуться и разговаривать с ним, пока его мысли постепенно не отвлекались — но только потому, что во время ужина Ли Цзяньхун пообещал ему, что, как только Лан Цзюнься покончит с работой, он заставит его вернуться и служить исключительно Дуань Лину.

Дуань Лин спросил:

— Правда?

— Если ты этого хочешь, естественно, последнее слово будет за тобой.

Но Дуань Лин полагал, что в этом было что-то неправильное, как будто слово «служить» — это слишком. Таких отношений между ним и Лан Цзюнься быть не должно.

Дуань Лин привык видеть, как наследники знатных домов в Прославленном зале приказывали людям; у них часто был один или несколько слуг, которым они отдавали приказы. Несмотря на то, что Лан Цзюнься однажды заявил, что он — его «помощник», их отношения не были похожи на отношения тех людей.

— Я не хочу, чтобы мой сын превратился в маленького Лан Цзюнься.

Дуань Лин сказал:

— Лан Цзюнься — действительно прекрасный человек.

— Да, — ответил Ли Цзяньхун. — Действительно прекрасный человек, не считая тех трех или пяти случаев, когда он чуть не воткнул чистый нож в твоего отца и не вытащил красный. В общем, он неплох.

Дуань Лин потерял дар речи.

— В своей жизни ты еще встретишь много других людей помимо него. Тебе нужно научиться различать намерения людей по отношению к тебе, искренни ли они или просто хотят заискивать перед тобой.

— Я не понимаю, но я знаю, что он искренен.

— Суди о человеке по его глазам, — ответил Ли Цзяньхун. — Те, кто искренне хочет стать твоим другом, часто будут говорить прежде, чем думать, когда будут находиться рядом с тобой. Они всегда откроют тебе свою истинную сущность и не будут сдерживаться.

— Нельзя узнать человека только по тому, как он ведет себя сейчас, — продолжил Ли Цзяньхун. — У него есть прошлое, и есть жизненный опыт.

Дуань Лин сказал:

— Но глава школы говорит, что прошлое человека не решает многое.

— Я не говорю о семейном происхождении. Неважно, из какого дома родом герой, семейное происхождение не имеет значения. Я говорю о том, что он пережил. То, каким человеком является твой друг, наполовину определяется его историей.

Теперь, когда Ли Цзяньхун сказал ему об этом, Дуань Лин внезапно понял, что Лан Цзюнься никогда не говорил ему, каким человеком он был до их встречи. Он часто спрашивал его об этом, но Лан Цзюнься был замкнут, как закупоренный кувшин, и никогда не рассказывал о своем прошлом.

— Но Лан Цзюнься относится ко мне очень, очень хорошо, — закончил Дуань Лин. — Его история не должна быть такой уж плохой. Он... да, для меня он хороший человек.

Хотя Дуань Лину было очень грустно расставаться с Лан Цзюнься, он быстро привык к приезду Ли Цзяньхуна. Лан Цзюнься только заставлял его учиться и заботился о его повседневных нуждах, но он никогда не учил Дуань Лина, как вести себя и общаться с людьми; по сравнению с ним Ли Цзяньхун говорил слишком о многом. За ужином он попросил Дуань Лина не болтать с набитым ртом, а подождать, пока он проглотит пищу; он терпеливо отвечал на любой его вопрос, всегда обдумывая его с самого начала, и отвечал на них тоже с самого начала, никогда не откладывая на «не спрашивай, ты поймешь в будущем».

После ужина Ли Цзяньхун уселся у колодца на месте Лан Цзюнься, набрал воду, вымыл посуду и даже постирал белье Дуань Лина, как будто это было само собой разумеющимся. Дуань Лин немного отдохнул и приготовил чай для Ли Цзяньхуна. Вдруг ему пришло в голову, что ему, возможно, нужно было искупаться, поэтому собрал мыльные корни медоносной акации и другие банные принадлежности, нашел новый халат, который еще не надевал Лан Цзюнься, и подождал, когда Ли Цзяньхун закончит, чтобы вместе пойти в купальню.

Купальни в Шанцзине были открыты всю ночь. Зимой набрать бочку воды было не так-то просто, поэтому Лан Цзюнься часто приводил Дуань Лина сюда. Здесь можно было перекусить сухофруктами, поесть ферментированного клейкого риса*, а внизу работал рассказчик. Дуань Лин хорошо знал это место: он зашел в купальню, держа Ли Цзяньхуна за руку, на цыпочках отсчитал через прилавок деньги, которые были им нужны, и приказал нескольким работникам, чтобы они их потом вымыли. Ли Цзяньхун с улыбкой наблюдал за ним с расстояния в несколько шагов.

* В Тайване ферментированный клейкий рис, или цзюнян, употребляют на завтрак в виде жидкой каши. Он слегка алкогольный, очень сладкий, немного кисловатый и вкусный.

Ли Цзяньхун поднял глаза на ярко освещенный зал.

— Твой отец не нуждается в уходе — можешь никого не присылать.

Подумав, что Ли Цзяньхун не привык, чтобы его обслуживали другие, Дуань Лин приготовился сам его помыть, но, когда тот разделся и обнажил тело, Дуань Лин испытал шок.

Он был весь в шрамах — от порезов ножей и острия стрел. Длинный шрам от меча рассекал его четко очерченный живот, шрам от стрелы испещрял грудь, а на широкой спине виднелись следы ожогов.

Откинувшись в теплый бассейн, Ли Цзяньхун испустил долгий вздох. Они были в нем единственные. Держа в руках полотенце из грубой ткани, Дуань Лин не знал, с чего начать, но Ли Цзяньхун сказал ему:

— Твой отец часто дерется с людьми, поэтому у него так много травм. Не стоит бояться, сын мой.

— Как... ты получил это?

Дуань Лин положил руку под ребра Ли Цзяньхуна.

— Этот порез от сабли остался после покушения Наянь То.

— Кто такой Наянь То?

— Говорят, он лучший мечник Сией, но теперь он просто мертвец, — небрежно бросил Ли Цзяньхун. — Сабля на саблю; он ударил меня под ребро, а я его — в горло. Вполне справедливо.

— А это?

Ли Цзяньхун повернулся на бок.

— Ближний бой с монгольскими солдатами под Юйбигуань. Джэбэ* пустил стрелу прямо сквозь мои доспехи и оставил вот такую отметину.

* Тот самый генерал Чингисхана, который участвовал в битве на Калке.

— Что случилось с Джэбэ? — спросил Дуань Лин.

— Сбежал. До сих пор жив. Но долго он не проживет. Этот шрам у меня на спине был выжжен нефтью*, можешь счищать его сколько угодно, он не шелушится.

* Слово 火油 / «огненное масло» в современном понимании означает керосин, но на протяжении большей части имперской истории оно обозначало нефть, используемую в качестве оружия. Ко времени Северной Сун уже существовали записи о его переработке в более чистую и сильную форму, но он по-прежнему использовался только для войны.

Дуань Лин молча пересчитывал все шрамы на теле Ли Цзяньхуна, пока чистил его. Обнаженная кожа Ли Цзяньхуна, казалось, была скреплена множеством лоскутов, но это нисколько не пугало Дуань Лина, словно каждый шрам в сочетании с его крепким, мужественным телосложением просто придавал особой красоты его силе.

— Ты видишь это, сын мой?

Ли Цзяньхун повернул лицо, показывая Дуань Лину край глаза. У него была прямая и высокая переносица — красивый нос, кожа здорового медного цвета, но в уголке глаза был небольшой шрам, как будто по нему когда-то ударили.

Дуань Лин провел пальцами по уголку глаза Ли Цзяньхуна.

— Откуда это у тебя?

— Прекрасный поступок твоей матери, — с улыбкой сказал Ли Цзяньхун, взял с чайного

подноса, стоящего рядом с бочкой, кусочек масла и дал его Дуань Лину. Притянув его к себе одной рукой, он коснулся его лбом и потерся об него головой.

Ли Цзяньхун обхватил Дуань Лина, прижимая его к себе, и они погрузились в воду, кожа к коже.

— За что? — спросил Дуань Лин.

— Я сказал ей уйти, а она не захотела. В ту ночь она ударила меня по лицу вазой из шатра царя хунну Кэ'эрсу — она была очень безжалостна. Тебе не кажется, что вы с матерью немного похожи? Обычно вы совершенно безобидны, но если загнать в угол, вы способны на все.

Дуань Лин на мгновение затих, а затем спросил:

— И что потом? Ты ударил ее в ответ?

— Конечно, нет. Как я мог вообще ударить ее?

Ли Цзяньхун вздохнул и обнял Дуань Лина так, будто держал в объятиях весь его мир.

— Ты когда-нибудь видел ее, сын мой? — спросил Ли Цзяньхун.

— Нет.

Дуань Лин повернулся и положил голову на грудь Ли Цзяньхуна.

После купания Ли Цзяньхун надел халат цвета весенней травы, принадлежащий Лан Цзюнься — он был ему немного маловат. Отец и сын шли домой под весенний ветерок, гуляя по маленьким улочкам. Ли Цзяньхун нес сына на спине и медленно шел по вымощенным камнем дорожкам. В этот поздний лучезарный весенний день Шанцзин был похож на только что проснувшуюся девушку, томно пробуждающуюся ото сна.

Под лунным светом цветки груши то и дело падали на пустую, безмолвную тропу.

— Папа.

Дуань Лин, примостившись на спине Ли Цзяньхуна, немного задремал.

— Да.

Ли Цзяньхун, казалось, погрузился в раздумья.

Сегодня Дуань Лин впервые встретился с Ли Цзяньхуном и познакомился с ним поближе, но, как ни странно, он осознал, что они, казалось, уже знали друг друга. Это было своего рода знакомство, когда не нужно обмениваться словами; плавная и постоянная близость, глубокая связь, которая, казалось, была запечатлена в их душах. Им не нужно было представляться, не нужно было задавать друг другу вопросы, как будто все эти тринадцать лет Ли Цзяньхун был рядом с ним. Словно он отсутствовал, когда Дуань Лин вставал по утрам, но это означало, что он просто вышел за покупками, а когда наступал вечер, был рядом.

И причина, по которой все его беды как будто остались далеко позади, в том, что сейчас он чувствовал себя в полной безопасности — он был уверен в том, что Ли Цзяньхун нашел его и никогда не покинет, как будто с появления Дуань Лина на свет Ли Цзяньхун должен был следовать за ним и жить в его мире.

— Папа, сколько тебе лет? — спросил Дуань Лин, не задумываясь.

— Двадцать девять. В тот год, когда я встретил твою мать, мне было не намного больше, чем тебе сейчас. Мне только исполнилось шестнадцать.

— Моя мама была красивой?

Ли Цзяньхун мягко ответил:

— Конечно, она была очень красива. Когда она улыбалась, даже снег на вечной мерзлоте таял, и все просторы безлюдной пустыни превращались в Цзяннань. В тот год у источника Цисюэ* я влюбился в нее с первого взгляда. Иначе откуда бы взялся ты?

* Буквально «бассейн, плачущий кровью». Это не реальное место, но оно фигурирует в «Орлином страже», одной из других книг этой вселенной.

— Тогда...

— Хм?

Дуань Лин не стал допытываться. Он чувствовал, что ему не стоит больше спрашивать: отец мог расстроиться.

— Дуань плохо относились к тебе, когда ты был в Жунани? — спросил Ли Цзяньхун.

Дуань Лин промолчал, а затем солгал.

— Нет, они знали, что ты приедешь. Они были очень добры ко мне.

Ли Цзяньхун подтвердил, что услышал его, а затем сказал:

— Лан Цзюнься трижды предавал меня и косвенно убил несколько десятков тысяч человек. всю свою жизнь он был обременен самой своей природой — он слишком беспечно совершал все, что ему взбредет в голову, не задумываясь о последствиях. Если бы не его мимолетное упущение, мы с твоей матерью, да и ты тоже, не были бы разлучены столько лет.

Дуань Лин молча слушал.

— К счастью, он не утратил человечности и в конце концов забрал тебя из Жунани — полагаю, эта кармическая цепочка должна быть такой. Я пообещал ему, что, если он сохранит тебя в безопасности, это искупит его вину. Иначе мой Безымянный меч будет преследовать его до края земли, и он больше никогда не сможет показаться на людях.

У Дуань Лина возникло ощущение, что он только что услышал о незнакомом ему Лан Цзюнься, и спросил:

— Что он сделал?

— Это долгая история, — задумался Ли Цзяньхун. — Я расскажу тебе все, когда у нас будет время. Если после того, как ты узнаешь всю его историю, ты все еще будешь доверять ему, я, конечно, не стану заставлять тебя этого не делать. Хочешь услышать об этом сейчас?

По правде говоря, Дуань Лин не смел в это поверить, но он был уверен, что отец не стал бы ему лгать, поэтому ему осталось только кивнуть.

— Ты, наверное, очень устал за сегодня, — сказал Ли Цзяньхун. — Спи.

Дома Ли Цзяньхун уложил его на кушетку, но Дуань Лин все еще держался за его рукав и пристально глядел на него.

Ли Цзяньхун на секунду задумался и понял, что Дуань Лин не говорил вслух, поэтому улыбнулся, развязал халат и, обнажившись до пояса, в одних штанах, доходящих до колен, лег рядом с ним.

Дуань Лин обхватил Ли Цзяньхуна за талию, положил голову ему на руку и уснул.

Ветер проносился по сосновому бору, навевая мысли об убийственной ауре армии и ее разрушениях; в полночь далекое поле боя, брызги свежей крови и горестное рычание боевого товарища за мгновение до смерти вновь материализовались в бесконечный кошмар, который внезапно настиг его.

Ли Цзяньхун громко вскрикнул, резко проснувшись, и сел.

— Папа!

Сердце Дуань Лина бешено забилося, он судорожно поднялся и увидел, что Ли Цзяньхун был весь в поту и сидел на кровати, задыхаясь.

— Папа? — обеспокоенно спросил Дуань Лин. — Ты в порядке?

— Приснился кошмар.

Ли Цзяньхун все еще чувствовал его.

— Я в порядке. Я тебя напугал?

— Что тебе снилось?

В детстве Дуань Лину тоже часто снились кошмары: ему снилось, что его бьют. Но с возрастом тень того, что он пережил в Жунани, улетучилась.

— Убийство, — глаза Ли Цзяньхуна были закрыты. — И мне снились мои мертвые подчиненные.

Дуань Лин надавил пальцами на меридиан тройного обогревателя Ли Цзяньхуна, чтобы помочь ему успокоиться, и тот медленно лег на спину, не открывая глаз и погружаясь в размышления.

Дуань Лин свернулся калачиком, положив голову на его грудь, и стал играть с нефритовой дугой, висящей у него на шее.

— Со временем все наладится, — сказал Дуань Лин.

— Тебе тоже часто снятся кошмары?

Ли Цзяньхун уже пришел в себя.

— Раньше.

Дуань Лин играл с нефритовой дугой, не сводя с нее глаз.

— Что тебе снилось?

Дуань Лин колебался, не будучи уверенным в том, стоит ли рассказывать Ли Цзяньхуну о том, как его избивали в Жунани. В конце концов, все это было уже в прошлом.

— Мне снилась мама, — наконец произнес Дуань Лин.

— Ты никогда не видел свою маму, поэтому, наверное, тебе снилась боль рождения. Рождение, старение, болезнь и смерть — все это страдания. Со временем они проходят.

— Меня больше не мучают кошмары. Завтра я куплю тебе лекарственные ингредиенты для успокоения сердца. Выпив отвар, ты почувствуешь себя лучше.

— Подумать только, кто-то в нашей семье сведущ в медицине.

Ли Цзяньхун заулыбался, повернувшись в сторону, притянул Дуань Лина к себе и, прижав их нос к носу, спросил:

— Что ты хочешь делать, когда вырастешь? Хочешь стать врачом?

— Я не знаю. Лан Цзюнься сказал...

Дуань Лин собирался сказать, что Лан Цзюнься сказал ему, что он должен серьезно относиться к учебе и в будущем добиться больших успехов, не разочаровать отца, но Ли Цзяньхун ответил:

— Сын мой, ты не должен беспокоиться о том, что говорят другие. Ты можешь делать все, что захочешь, когда вырастешь.

Дуань Лин впервые услышал подобное. Раньше, когда он был в Прославленном зале, все, начиная с главы школы и заканчивая слугами, считали, что вода течет в низины, а люди идут в верхи; овладение литературными и боевыми навыками — ради блага императорской семьи. Раз уж нам посчастливилось воплотиться в человеческом облике, мы должны обладать высокими амбициями.

Ли Цзяньхун пригладил челку сына и заглянул ему в глаза.

— Сын мой, если ты хочешь заниматься медициной, изучать боевые искусства или просто посвятить себя буддизму, стать монахом и просить милостыню, все будет хорошо, лишь бы ты был счастлив.

Дуань Лин начал смеяться. Никто еще не говорил ему, что он мог стать монахом, если захочет.

Ли Цзяньхун с совершенно серьезным видом сказал ему:

— Судя по тому, что ты рассказывал мне днем, похоже, ты знаешь, о чем говоришь, поэтому я полагаю, что ты предпочитаешь развлекаться. Ты не хочешь ходить в школу?

— Вопрос не в том, хочу я или не хочу, — задумался Дуань Лин. — Мне нужно учиться, но я больше люблю садоводство.

Ли Цзяньхун кивнул.

— Ну, если ты станешь садовником, это тоже хорошо.

— Глава школы говорил, что все профессии, кроме учености, являются низменными*.

* Эта фраза взята из «Поэзии предков», составленной во времена династии Северной Сун. Ее очень легко читать, и из нее произошло множество распространенных пословиц и пятисимвольных идиом.

— Учиться по книгам — это хорошо, — вздохнул Ли Цзяньхун. — Но если ты действительно не хочешь, папа не будет тебя заставлять. Папа просто хочет, чтобы ты прожил счастливую жизнь.

— Тогда я завтра же сменю профессию и стану садовником.

Улыбаясь, Дуань Лин закрыл глаза и приложил к веку нефритовую дугу, висевшую на шее отца, теплую от кожи Ли Цзяньхуна.

Он слегка улыбнулся и, обняв Дуань Лина, закрыл глаза, склонив голову и вдыхая свежий аромат медовой акации в его волосах.

Дуань Лин заснул раньше, чем успел открыть глаза, и уже наступило утро. Ли Цзяньхун тренировался во дворе без верхней одежды, орудуя длинным древком так ловко, что оно со свистом рассекало воздух, вздымая вихри персиковых лепестков, которые через мгновение снова разлетались в стороны.

Дуань Лин вышел, позевывая, а Ли Цзяньхун отложил длинный посох и начал выполнять движения ладонями: скрещивание запястий, толчок вперед, поворот ладоней вверх и вниз. Его сосредоточенное выражение лица выглядело очень привлекательно.

После того как Дуань Лин пронаблюдал за ним некоторое время, Ли Цзяньхун снова свел ладони к центру.

— Хочешь научиться?

Дуань Лин кивнул, и Ли Цзяньхун начал учить его по одному движению, по одной технике за раз. Дуань Лин сказал:

— Но я раньше не практиковал стойку лошади. У меня нет базы.

— Не волнуйся об этом — главное, что тебе весело.

Дуань Лин не знал, что и сказать.

Он, подражая Ли Цзяньхуну, выполнил весь набор движений; Тот не говорил, правильно ли он все делает, просто вдолбил ему базовые знания и произнес:

— Этого достаточно. Поучись немного, и, если тебе будет интересно, мы вернемся к этому позже. Как говорится, сложное объясняется простым языком.

Дуань Лин засмеялся — просто ему слишком нравился характер отца. Немного уставший от тренировок Ли Цзяньхун понял, что им пора приступать к завтраку. После приема пищи Дуань Лин привычно ждал заветной фразы, чтобы пойти заниматься, как он всегда это делал, но Ли Цзяньхун, казалось, совершенно не был склонен его торопить.

— Папа, я хочу пойти поухаживать за цветами.

Ли Цзяньхун дал ему понять, что он может идти, и Дуань Лин отправился на клумбу возиться с растениями. А Ли Цзяньхун срубил бамбук, чтобы сделать из него бамбуковый канал для полива растений.

Без постороннего наседания Дуань Лин все равно чувствовал себя немного беспокойно. Некоторое время он занимался своими делами, витая в облаках, но потом снова побежал учиться.

— Не можешь преодолеть свою совесть?

Ли Цзяньхун сидел у кабинета с чашкой чая в руке и смотрел на проплывающие мимо белые облака.

— Да, мне просто беспокойно, — только и мог сказать Дуань Лин.

— Похоже, учеба — это то, чем ты, в конце концов, хочешь заниматься.

Дуань Лин почувствовал себя немного неловко. И вот Ли Цзяньхун начал жить в поместье, и дни шли своим чередом. Он никогда не заставлял Дуань Лина делать то или иное — он мог делать все, что захочет, даже если ему хотелось просто сидеть и пить чай. Но Дуань Лин всегда был таким — если на него давить и заставлять что-то делать, то он не захочет, а без постороннего наседания ему будет скучно. Поэтому, поскольку Ли Цзяньхун его не подгонял, он все равно добровольно каждый день занимался, время от времени подражая ему и разучивая несколько движений руками.

Ли Цзяньхун же, казалось, вообще не мог оставить Дуань Лина; даже если он просто выходил в магазин за покупками, он должен был держать его рядом с собой, почти никогда не выпуская из виду, всегда спал вместе по ночам и всегда находился в одной комнате в течение дня.

Ли Цзяньхун все время был погружен в раздумья. И вот однажды Дуань Лин не смог удержаться, чтобы не спросить его об этом.

— Папа, — сказал Дуань Лин. — О чем ты думаешь?

— Думаю о тебе, сын мой.

Дуань Лин посмеялся и, отложив книги, подошел обнять его. Между бровей Ли Цзяньхуна, казалось, завязался узел, который невозможно было развязать, он был озабочен проблемами, которые не мог решить, но когда он смотрел на Дуань Лина, его глаза становились очень нежными.

— Ты несчастен.

Дуань Лин положил руки на щеки Ли Цзяньхуна и повернул его голову влево и вправо.

— У тебя что-то на душе?

Он это чувствовал. Не считая первых нескольких дней после их знакомства, Ли Цзяньхун, казалось, всегда о чем-то думал.

— Да. Твой отец беспокоится о том, что он может тебе подарить.

Дуань Лин с улыбкой сказал:

— Я хочу съесть «Яшмовые пельмени» в «Пяти реках к морю».

— Ну тогда, конечно, нам придется пойти.

Ли Цзяньхун приготовился взять Дуань Лина с собой, чтобы вкусно поесть, и взял его за руку.

— Но у меня на уме не только закуски.

Дуань Лин с недоумением посмотрел на Ли Цзяньхуна.

— Ты хочешь вернуться домой, сын мой? — спросил Ли Цзяньхун.

Теперь Дуань Лин все понял. Как он и слышал в Прославленном зале, все ханьцы хотели вернуться домой.

— Отец хочет подарить тебе то, что должно было принадлежать тебе с самого рождения.

— Я уже вполне счастлив. Мы должны быть довольны своим уделом. Лан...

Выйдя во двор, Дуань Лин почти окликнул Лан Цзюнься, но потом вспомнил, что тот уже ушел, и только с отчаянием произнес:

— А, он еще не вернулся.

Прошло уже много времени с тех пор, как Лан Цзюнься уехал, но Дуань Лин привык считать, что он все еще дома. Что же его послали делать? Прошло уже столько времени, почему же он до сих пор не вернулся? Он чувствовал, что отцу не очень нравилось, когда он постоянно говорил о Лан Цзюнься.

Каждый раз, когда Дуань Лин заводил о нем речь, Ли Цзяньхун не мог не ревновать.

Теперь он переключился с вопроса «когда вернется отец» на «когда вернется Лан Цзюнься?», но Ли Цзяньхун ответил:

— Он готовит новый дом, чтобы забрать тебя туда.

Хотя он скучал по Лан Цзюнься, Дуань Лин постепенно понял: возможно, если бы не приехал его отец, Лан Цзюнься бы не уехал.

Кто-то приходит, а кто-то уходит — все так, как описывал сам Лан Цзюнься. Нельзя получить все хорошее, что есть в мире, — всегда есть о чем, так или иначе, пожалеть.

Многие вещи словно были заранее уготованы для него самими небесами.

Дуань Лин не без удивления осознал, что если у него возникали вопросы по какой-либо из книг, которые он читал, то, если он обращался с ними к Ли Цзяньхуну, тот почти всегда мог ответить на них. И хотя его ответы полностью отличались от тех, что давал глава школы, они не противоречили другим его толкованиям, и Дуань Лину оставалось только убедить себя в его правоте.

— Папа, разве ты не говорил, что не получил должного образования?

— Жизнь ограничена, знания безграничны*, — ответил Ли Цзяньхун, — кто может с уверенностью сказать, что он хорошо начитан? Все, что можно почерпнуть, — лишь крупички и обрывки. Чем больше знаешь, тем меньше понимаешь.

* Это Чжуан-цзы. Полная цитата такова: Жизнь ограничена, знания безграничны; погоня за безграничным с помощью ограниченного может закончиться только неудачей.

Дуань Лин понял лишь наполовину, но все равно кивнул. Сегодня он долго перелистывал книги, а потом спросил:

— Папа, Конфуций говорил, что благородный муж почитает три вещи. Что это значит?

— Во-первых, почитание судьбы, во-вторых, почитание правящего рода, в-третьих, почитание слов мудрецов. Несчастный, который не знает о неизбежности судьбы, не знает, что должен почитать ее...

— Почитать — не значит бояться, так или иначе Ли Цзяньхун дал импровизированное объяснение, глядя во двор. — Это значит уважать. Только почитая свою судьбу, можно найти пристанище.

— А что значит судьба? — спросил Дуань Лин.

— У каждого человека есть что-то, чего он должен достичь в своей жизни, и это решается с момента его рождения. Кто-то рождается, чтобы заниматься сельским хозяйством, кто-то — чтобы сражаться в войнах, кто-то — чтобы стать императором. Существуют всевозможные судьбы, бесконечно непохожие друг на друга.

— Но как же мне узнать, какая у меня судьба? — задал еще один вопрос Дуань Лин.

— Вполне естественно, что ты не знаешь.

Ли Цзяньхун опустил чашу и вздохнул.

— Отец тоже не знает. Независимый в тридцать, уверенный в сорок, знающий свою судьбу в пятьдесят, говорил Конфуций, — мы не узнаем об этом до пятидесяти лет.

— Не слишком ли это долго?

Дуань Лин не знал, смеяться ему или плакать.

— Да. Мы проводим первую половину жизни, бродя в темноте и не зная, что нам делать, — это действительно пустая трата времени.

Ли Цзяньхун встал и ушел, а Дуань Лин все еще думал о том, что сказал ему отец; он находил его гораздо более интересным, чем своего учителя.

Но вскоре Ли Цзяньхун снова прошел мимо его двери. На улице моросил дождь, и он переоделся в плащ, а в одной руке у него был сверток.

— Разве тебе не нужно сегодня идти в Прославленный зал? Не хочешь больше ходить в школу?

— А!

Дуань Лин вспомнил — сегодня день, когда он должен был забрать документы. Он сможет получить последнее сочинение, которое он написал в Прославленном зале, и заверить его печатью главы школы, чтобы сдать в Академию Биюн. Он уже почти забыл, но Ли Цзяньхун каким-то образом все помнил и взял его с собой на прогулку верхом. Они планировали заехать за бумагами, затем отправиться в чернильный зал, чтобы зарегистрироваться на экзамен, а потом отправиться за город на отдых.

Академия Биюн в Шанцзине была расположена в центре улицы Чжэнхэ, кишасшей пешеходами и каретами, которые нескончаемым потоком прибывали и убывали. На улице уже образовалась очередь из представителей знатных и высокопоставленных семей. Стоя в стороне от толпы, Дуань Лин и его отец смотрели на происходящее, оба были одеты в обычную одежду простолюдинов.

— Ты завидуешь их богатству, которое они демонстрируют в своих красивых каретах? — спросил Ли Цзяньхун, не задумываясь.

Дуань Лин покачал головой. Многие из этих людей были его сокурсниками из Прославленного зала. Они провели годы, учась друг у друга, но он и представить себе не мог, что они происходили из таких знатных семей. Дуань Лин сказал Ли Цзяньхуну:

— Глава школы учил нас, что нужно довольствоваться бедностью и быть хозяином самому себе.

Ли Цзяньхун кивнул.

— Хоть глава и говорит много ерунды, в данном случае он прав.

Дуань Лин засмеялся и пошел за номером для регистрации, а Ли Цзяньхун опустил капюшон, закрывающий половину лица, и стоял в тени, разглядывая лица прохожих.

— Дуань Лин! — Цай Янь издали окликнул его по имени. — Чего ты ждешь? Иди сюда!

Хотя Дуань Лин и закончил курс обучения в Прославленном зале, друзей у него было немного: из-за того, что Лан Цзюнься поселил его в уединенном боковом крыле, у него было мало возможностей встречаться с однокурсниками. Единственные, с кем он был относительно близок, — это Цай Янь и Борджигин, с которыми он познакомился в первый же день, а также Хэлянь Бо, который время от времени получал вместе с ним наказание стоя.

Цай Янь, как всегда, пришел со старшим братом и подозвал к себе Дуань Лина. Ли Цзяньхун подошел к ним и поприветствовал Цай Вэня рукой, сжатой в кулак.

— Спасибо, что присматривали за ним, — сказал Ли Цзяньхун.

— Я почти ничего не сделал, — улыбнулся Цай Вэнь, делая ответный жест.

Он опустил руку на плечо Дуань Лина, позволяя ему встать перед собой, и они обменялись любезностями. Дуань Лин редко видел Цай Вэня, и он не мог не вспомнить ту зиму, когда Лан Цзюнься получил травму. Через несколько дней после этого случая Дуань Лин вернулся в Прославленный зал, и Цай Янь без предупреждения пришел к нему; заметив опухший правый глаз, он решил, что его избili взрослые в его доме, и некоторое время разговаривал с ним, чтобы утешить.

Обычно они почти никогда не учились вместе в одном классе. К тому времени, как Дуань Лин поступил в школу, Цай Янь уже учился в литературном павильоне, заранее осваивая четыре книги и пять канонов, а также писал сочинения, и тогда, когда Дуань Лин перешел в литературный павильон, они были одноклассниками всего несколько коротких месяцев, после чего Цай Яня забрали домой, где его брат нанял кого-то обучать его. Поэтому они виделись нечасто.

Но Дуань Лин имел некоторое представление о семейной ситуации Цай Яня. Он знал, что, хотя

Цай Вэнь — старший брат Цай Яня, у них не было общей матери, и Цай Вэню нужно было заботиться о нем каждый день, как Лан Цзюнься заботиться о Дуань Лине. Это еще более их сблизало. Кроме того, Цай Янь и его старший брат дважды сталкивались с Дуань Лином и Лан Цзюнься вне школы: один раз на фестивале фонарей в середине осени, а другой раз на празднике Двойной тройки* во время весенней прогулки у воды.

* Праздник проводится 3.03, в третий день третьего лунного месяца, и ознаменует приход весны.

Однако Дин Чжи, похоже, нравился Лан Цзюнься, а Цай Вэнь — нет, поэтому, когда старшие случайно сталкивались друг с другом, атмосфера становилась немного неловкой.

Пока молодые люди стояли в очереди, взрослые вокруг них вели дружескую беседу. Дуань Лин забыл представить Цай Вэня своему отцу; Тот сегодня был одет в небесно-голубую повседневную форму и выглядел весьма нарядно, с боевой выправкой, как острый, только что выкованный меч. Они говорили не более чем об учебе детей, и по сравнению с Лан Цзюнься, который обычно держался на почтительном расстоянии, Ли Цзяньхун казался гораздо более сердечным.

При упоминании Лан Цзюнься Ли Цзяньхун просто отмахнулся от темы:

— Он мой слуга, и я не собирался позволять ему слишком вмешиваться в учебу моего сына. Как только я закончил работу и приехал в Шанцзин, то отправил его обратно на юг, чтобы он занялся делами.

Цай Вэнь кивнул.

— Мне сказали, что вы торговец, Дуань-сюн?

Ли Цзяньхун кивнул.

— Дела идут не очень хорошо. Я как раз подумывал о том, чтобы найти другой способ зарабатывать на жизнь. Амбиций у меня много, но со всей этой войной трудно где-либо закрепиться, так что что мне остается делать, кроме как проедать свои сбережения, сидя сложа руки. Об этом я буду думать, когда присмотрю за сыном и он вырастет.

Цай Вэнь рассмеялся.

— Судя по вашему поведению, Дуань-сюн, вам не придется проедать ваши сбережения. Вы просто слишком скромничаете.

Хотя одежда и украшения Ли Цзяньхуна не отличались экстравагантностью, каждое его движение и каждое слово несли в себе особую ауру, далеко не похожую на ауру нувориша. В

последние годы Шанцзин наполнился самыми разными людьми, как богатыми, так и бедными; многие вельможи также забрали все свои семьи, чтобы укрыться под ногами небесного императора Ляо. Хотя Цай Вэнь считал Ли Цзяньхуна не простым человеком, он уже встречался с Дуань Лином, поэтому не слишком задумывается об этом.

Цай Вэнь увидел идущего к ним юношу и удивленно произнес:

— Хэлянь Бо!

Дуань Лин с улыбкой ответил:

— Хэлянь Бо!

— Ты тоже пришел!

Цай Янь поприветствовал его:

— Иди сюда.

Хэлянь Бо тоже подросток: его часто отправляли стоять в коридоре рядом с Дуань Лином в качестве наказания, и в четырнадцать лет он стал довольно высоким, с румяной кожей. Он был одет по моде Сицзяна: высокие брови, глубоко посаженные глаза, точеные черты лица. Обычно он выглядел довольно внушительно, просто стоял и не говорил ни слова, но на самом деле он заикался.

Хэлянь Бо находился со своим слугой, поэтому он кивнул Дуань Лину и Цай Яню, а затем велел тому уйти и молча встал позади них.

— Ты видел Борджигина? — небрежно спросил Цай Янь.

Хэлянь Бо покачал головой и взглянул на Ли Цзяньхуна, очевидно, впервые видя его.

— Мой отец, — Дуань Лин наконец-то вспомнил, что нужно было его представить.

Хэлянь Бо положил одну ладонь на другую, и Ли Цзяньхун кивнул ему и отдал честь. Оглянувшись, Дуань Лин увидел, что на дороге остановилась карета. Хэлянь Бо показал в ту сторону и объяснил ему.

— Моя мама.

Мать Хэлянь Бо привезла его сюда для регистрации. По обычаям Шанцзина, женщины не

должны были появляться на публике, поэтому Хэлянь Бо пришел сюда сам. В знак извинения он сложил ладони в кулак, обращаясь к Цай Вэню и остальным.

Молодые люди некоторое время непринужденно болтали друг с другом, и когда пришла их очередь, Дуань Лин хотел пропустить вперед остальных, но Хэлянь Бо сделал жест ладонью вверх в сторону Дуань Лина, мол, пожалуйста, иди вперед, и вместе с Цай Вэнем они пропустили вперед самого младшего из них.

— Дуань Лин может приходить, когда будет свободен, — сказал Цай Вэнь. — Я нанял учителя с юга. Он может выбрать для него материал попроще.

— Это замечательно, что вы предложили, спасибо, — ответил Ли Цзяньхун.

Цай Вэнь отмахнулся от него, мол, не стоит благодарности, а Дуань Лин уже зашел внутрь с ответами, сдал их и получил печать. Ли Цзяньхун попрощался с Цай Вэнем и ушел вместе с Дуань Лином оплачивать экзаменационный сбор.

К тому времени, как Дуань Лин закончил, его друзья уже ушли. Заметив, что тот все еще оглядывается назад, неоднократно осматривая толпу, Ли Цзяньхун спросил:

— У тебя есть друзья, которые не пришли?

— Бату не пришел, — ответил Дуань Лин. — Мы сказали, что придем сегодня регистрироваться для сдачи экзаменов.

Ли Цзяньхун ненадолго задумался, а затем спросил Дуань Лина:

— А у тебя появились другие друзья?

— Это те, кто хорошо ко мне относится. Но я не знаю, почему их семьи так строги к ним.

— Вообще-то, я забыл спросить. А Лан Цзюнься был с тобой суров?

Дуань Лин покачал головой. Прошло уже много времени с тех пор, как он расстался с ним, но когда он думал о прошлом, то до сих пор очень дорожил теми спокойными годами, которые провел с ним. Не то чтобы он не хотел дурачиться, но Дуань Лин боялся разочаровать его. Однако он заметил, что Цай Янь, Хэлянь Бо и другие его одноклассники, похоже, переживали не лучшие времена, как будто на их головы постоянно давил мрак.

— Хэлянь Бо и остальные... Не знаю, как сказать, но они всегда выглядели... выглядели как... гм...

Ли Цзяньхун сказал:

— Как будто за ними ходит призрак и заставляет их учиться, чтобы они даже не могли смеяться вслух.

Дуань Лин улыбнулся.

— Так и есть.

— Они все зрелые не по годам. Они не такие, как ты.

Дуань Лин вздохнул, и Ли Цзяньхун сказал:

— Они все наследники политических заложников, поэтому, естественно, с самого детства они понимали больше, чем окружающие.

— Ну, это я знаю. Но так ли это страшно? — спросил Дуань Лин.

Ли Цзяньхун держал Дуань Лина за руку, пока они шли по улице.

— Хэлянь Бо — сын Хэлянь Луаня из царской семьи Сицян. Борджигин — потомок рода Юань Цзивэнь. Что касается братьев Цай Вэня и Цай Яня, то они — отпрыски семьи Цай, которые переехали на север, чтобы работать чиновниками в Шанцзине. Они дети от смешанных браков с киданьскими женщинами.

— Другими словами, — пояснил Ли Цзяньхун, — их отцы все иностранцы, и большинство из них — родственники царских семей. Они находятся здесь в качестве заложников в обмен на мир между их родиной и империей Ляо. Если между ними начнется война, кидани убьют их.

Дуань Лин на мгновение замолчал, а затем спросил:

— Кто является заложником Южной Чэнь?

— У императорской семьи Южной Чэнь здесь нет заложников — потому что ханьцы отказываются уступить.

— Многие из тех, кто учился с тобой в Прославленном зале, — потомки чиновников южной части империи Ляо. Если они когда-нибудь дезертируют, император Ляо убьет их сыновей.

Ли Цзяньхун спросил:

— Знаешь ребенка с фамилией Хань?

— Да!

Дуань Лин сразу же подумал об этом господине Хань.

— На самом деле он кидань. Его отец — императорский наставник Южной администрации.

Дуань Лин кивнул. Он стоял на перекрестке вместе с Ли Цзяньхуном, а рядом с ними находился переулок Дайюэр. Дуань Лин стоял там и некоторое время смотрел внутрь.

— Я хочу проверить дом Бату.

Ли Цзяньхун вместе с Дуань Лином зашел в переулок Дайюэр, но обнаружил, что внутри было много киданьских солдат, допрашивавших каждого встречного.

— Кто там?

Они сразу же насторожились.

— Я... — Дуань Лин только начал говорить, как на его плечо легонько опустилась рука Ли Цзяньхуна.

— Когда я отвозил сына на регистрацию, то столкнулся с капитаном Цай возле Академии Биюн, — сказал Ли Цзяньхун. — Он заметил, что Борджигин отсутствует, и попросил меня зайти проведать его.

— Это не имеет никакого отношения к Цай Вэню, — сказал офицер. — Вернитесь и скажите ему, чтобы не лез не в свое дело.

Ли Цзяньхун кивнул ему и ушел с Дуань Лином, слегка нахмутив брови.

— Почему они...

Ли Цзяньхун приложил палец к губам Дуань Лина, давая понять, чтобы тот не спрашивал. К тому времени, как они вернулись домой, Дуань Лин уже забыл обо всем и отправился работать на своей клумбе. Через некоторое время он застал Ли Цзяньхуна на солнышке в кресле во дворе, его глаза сузились, как будто он погружился в раздумья.

— Папа!

Дуань Лин собрался попросить его пойти спать в дом, но тут глаза Ли Цзяньхуна открылись, и он позвал его к себе.

Дуань Лин подошел и раскинулся на Ли Цзяньхуне, и тот одной рукой прижал его к себе, а другой взял за руку.

— Что это? У тебя руки в грязи, а ты целый день вытирал их о лицо отца.

Дуань Лин почистил обе руки об одежду Ли Цзяньхуна и сказал:

— Я хочу есть.

— Что хочешь попробовать? Давай сходим в ресторан...

Дуань Лин собирался вымыть руки, но Ли Цзяньхун не ослабил хватку, он внимательно изучал его выражение лица, глядя ему в глаза.

— Скажи мне вот что, прежде чем уйдешь. Ты хорошо дружишь с Борджигином Бату?

В выражении лица Ли Цзяньхуна чувствовалась серьезность, и Дуань Лин немного заволновался, думая, что тот не одобрит его дружбу с Бату, поэтому он начал думать, как ему ответить. И вот, после короткой паузы, Ли Цзяньхун сказал ему:

— Если да, то скажи, что да, если нет, то скажи, что нет. Что, по-твоему, я с тобой сделаю?

Дуань Лин ответил:

— Да.

— Жизнь длинна, и у тебя должно быть несколько друзей. Иди, вымой руки.

<http://bllate.org/book/15657/1400638>